

ВОТ ПУЛЯ ПРОЛЕТЕЛА И АГА...

Сцена из спектакля

МХТ имени А.П. Чехова выпустил на Малой сцене спектакль молодого режиссера **Уланбека Баялиева «Сахарный немец»** по роману **Сергея Клычкова**. Имя автора первоисточника подавляющему большинству ничего не скажет, хотя Клычков был знаком с Есениным, Мандельштамом и многими другими знаковыми для эпохи личностями. Поэт, выходец из старообрядцев, воспевавший старую Русь, прозревавший в индустриализации и росте рабочего класса проявление дьявольской воли, направленной на уничтожение родной земли, ее исконного уклада. Был арестован в 1937 году по ложному доносу и расстрелян буквально в тот же день. Естественно, все созданное Клычковым — и в поэзии, и в прозе (на его счету, помимо «Сахарного немца», еще два романа из задуманного, но неосуществленного девятикнижия), — было предано незаслуженному забвению. И даже реабилитация не вернула в

литературный процесс писателя, который задолго до Маркеса начал осваивать пространство, которое впоследствии назовут магическим реализмом. Не вписывался он в советскую эпоху ни по каким критериям.

В 1914 году Сергей Клычков отправился на фронт и военные впечатления он отразил в своем первом романе «Сахарный немец», который вполне можно было бы назвать поэмой в прозе. Инсценировку довольно внушительного текста Баялиев делал сам, чтобы сохранить упругий ритм повествования, сюжет которого не так-то легко пересказать, тем более перенести на сцену. По собственному признанию режиссера, путь к этой постановке начался для него еще десять лет назад — ему очень хотелось, чтобы этот погибший мир, генокод которого так или иначе мы все равно несем в себе, получить право голоса. Возможно, именно поэтому она получилась наиболее равновесной и цельной из всего, поставленного моло-

дым режиссером, имеющим опыт работы в том числе и на столичной сцене («Гроза» в Театре им. Евг. Вахтангова).

Этот спектакль можно рассматривать как восстановление давным-давно похороненной справедливости: Клычков мечтал сотрудничать с Художественным театром, специально для него написал пьесу, которую, как и большую часть архива поэта, еще предстоит вызволять из недр спецхранов. И можно только радоваться, что Сергей Женовач учит своих питомцев не просто точно и бережно работать с текстом, он прививает им нечто, возможно, еще более важное для сегодняшнего театра — умение извлекать из пучины забвения тексты, которые нам, нынешним, жизненно необходимы, чтобы выстоять под натиском наномегатехноурбодивилизации.

Мы привыкли играть в догонялки со временем и чем быстрее бежим и больше успе-

ваем, тем меньше понимаем себя и других, тем меньше видим красоты и гармонии в окружающем мире. Послание, которое тем или иным способом всегда зашифровано в спектаклях, сделанных по «системе Женовача», считается и в «Сахарном немец»: даже стоя на грязной холодной земле, можно любоваться звездами в высоком небе, нужно только дать себе труд остановиться и поднять голову вверх. Его помогают транслировать в зал сценограф **Евгения Шутина**, создавшая суровое дощатое пространство, уютно-бесприютное, но такое родное, и композитор **Фаустас Латенас**, пронизавший его трепетными, хрупкими мелодиями, вырастающими из старинного народного плача «Как душа с телом расставалась...», словно древесные ветви из могучего ствола. В основании этого непокойного, растрепанного мира, — несметное количество солдатских сапог, неизвестно кем и когда надеванных. Над

Клаша-мечта — Н. Жарычева, Миколай Зайчик — В. Зазулин

Сцена из спектакля

*Клеша-мечта — Н. Жарычева, Музыкальный
руководитель — А. Хованская, Зайчик — В. Зазулин*

ним — неизменное тележное колесо, то ли от лихой птицы-тройки на ходу отвалившееся, то ли от телеги самого Времени.

Николай Митрич Зайцев, он же попросту Зайчик (трогательный и ясный **Валерий Зазулин**) — точный слепок автора романа. Война кругом, грязь, кровь, а этот малахольный стишки пописывает, да еще и печатать умудряется — негодует ротный (**Алексей Агапов**), абсолютно уверенный в том, что «пользы нет в стихах ни отечеству, ни армии». Волею режиссера этот же актер играет и отца Зайчика, человека, который весь жар негромкой отцовской любви вложил в своего странного сына. Здесь почти всем артистам приходится не то что раздваиваться — растчетверяться. И проделывают они это, не теряя ни органики, ни убедительности, переходя из ипостаси в ипостась, словно скользя по невидимым нитям, связывающим их персонажей в замысловатый лабиринт клычковского сюжета.

В этой сложносочиненной полифоничности у мхатовских актеров для каждого

Сцена из спектакля

героя находится своя, точно определенная камертонная нота. Сердце сжимается, глядя на матушку Зайчика Надежду Спиридонову (**Алена Хованская**), благословляющую Небеса за то, что сыночек пришел в родной дом с войны цел и невредим. Скольким матерям в этом было отказано. Дрожь пробегает по телу, когда видишь, как сплетаются в неистовой любовной пляске сослуживец Зайчика Прохор Пенкин (**Дмитрий Сумин**) и его неутомимая Пелагея (**Ксения Теплова**). Тоской отзываются в сердце нелепые признания зайчиковой возлюбленной Клаши (**Надежда Жарычева**), не выдержавшей разлуки и вышедшей замуж за богатого.

Режиссер снабдил постановку емким подзаголовком — «Сказ об одном убийстве». В нашем сознании, что коллективном, что персональном, Первая мировая война прочно заслонена войной Гражданской и для человека рядового, не причастного к исторической науке, они практически неразличимы, а между тем разница есть и она существенна для понимания отечествен-

ной истории. Спектакль и становится для зрителя возможностью, заглянуть за завесу времени и услышать рассказ о том, «как это было», что называется, из первых уст.

Но есть в «Сахарном немце» второй слой, глубинный. Каждый, вовлеченный в круговорот этой истории, пытается на свой лад ответить на вопрос: что есть Бог? Вон Дьякон (**Артем Волобуев**) и вовсе в Его существовании разуверился и к самому царю отправился, чтобы тот его «расстриг». Выстрелив в немца, вышедшего на противоположный берег Двины, чтобы набрать в котелок воды для чая, Зайчик, сам того не осознавая, как многие до и после него, бьет по замковому камню, на котором держится свод мироздания. И приходится согласиться с автором романа, вложившим в уста одного из своих героев горькую истину: «Бог забыл о земле, сел на облако — только его и видели». Можем ли мы сделать хоть что-нибудь, чтобы Он о нас вспомнил?

Виктория ПЕШКОВА

Фото Александра ИВАНИШИНА